

Мать

Рисунки Г. Макарова

Карур Нилькантх Пилле — выдающийся представитель современной малаяламской литературы — одной из основных литератур южной Индии. Работая в жанре новеллы около 30 лет, он в настоящее время является признанным главой прогрессивного направления малаяламской новеллистики.

Публикуемый ниже рассказ этого писателя принадлежит к циклу его рассказов «Опавшие листья», который был переведен на язык хинди и вышел в Аллахабаде в 40-х годах. Искусство Пилле отличают острота и четкая разработанность сюжетной линии, простота и динамичность стиля, отличное владение сложным приемом «не собственно прямой речи». Все эти особенности его мастерства, гуманистическая направленность новелл высоко ценятся на родине писателя.

Рассказ «Мать» — первое произведение малаяламской прозы, переведенное на русский язык.

В Тируванантпурам, в дом чиновника, ведавшего пенсиями, пришла новая служанка. О себе она рассказала, что родилась в Гуруваюре, что она вдова, что ее зовут Мадхави. Никому не было надобности проверять, правда это или ложь.

Хозяйке женщина понравилась: смуглая, круглолицая, с раскосыми глазами, печальным лицом, с маленькими ушами и каштановыми волосами; губы тонкие и бледные. Хозяйка охотно оставила Мадхави у себя. Ее непривлекательная наружность не мешала ей жить мирно и спокойно. Хозяйка не могла пожаловаться на нее. Она замечала только, что служанка изредка плачет. «Бедняжка, все думает о своем супруге», — говорила хозяйка мужу.

Как-то, укладывая спать господского сына, Мадхави запела колыбельную песенку. Услышав это, домашние спросили: «Ты умеешь петь, Мадхави?» — «Нет, просто я слыхала эту песенку в доме, где работала раньше», — отвечала она.

В другой раз, видя, что мальчик ошибся в счете, она поправила его. Хозяйка удивилась:

«Ты ходила в школу?» И Мадхави снова ответила, что в доме, где она служила до сих пор, ей приходилось видеть, как учили детей.

Однажды госпожа сказала мужу: «Мне кажется, Мадхави солгала нам, рассказывая о себе».

— Почему?

— Вспомни ее манеру говорить, вести себя... Думается мне, она не из простых, хоть и служит у нас.

— Ну и что?

— Может быть, она убежала с кем-нибудь из дому, и этот человек умер либо бросил ее?

* * *

Мадхави прожила в этой семье четыре месяца, но так и не привыкла к домашней работе.

Получив как-то жалованье — четыре рупии, — она взяла расчет. Хозяева не спрашивали, что она собирается делать. По всей вероятности, у нее не было определенной цели. Голодая, прося милостыню, она протянула еще два месяца, денег, собранных ею, хватило на оплату врача,

когда она наконец родила. В глубокий мрак горя, в море слез вошла ее радость. Радостью этой был новорожденный, ее сын.

Мадхави вышла из больницы, неся с собой все свое богатство—дитя и капитал в три рупии и одну анна.

Мать и ребенок влачили жалкое существование. Сочувствуя бедняжке, женщины из сострадания немного подкармливали ее.

Выпрашивая подавание, Мадхави набрела однажды на большой дом. Она была здесь и раньше и всегда внимательно разглядывала его.

Как-то ночью она добралась до ворот этого дома, отдохнула на скамейке, а затем вернулась обратно. А потом в предрассветных сумерках, как воришка, забралась она на веранду. Ее сердце неудержимо билось, руки и ноги холодели. Обессилив, опустилась она на пол.

Несколько мгновений она сидела, сцепив руки, пристально глядя на своего мальчика. Потом вытерла слезы, боясь, что они разбудят его. С трепещущим сердцем женщина поцеловала ребенка, медленно встала и пошла к воротам.

но едва дойдя до них, вернулась и снова прижала к груди сына. Горячие слезы упали на его лицо. Ребенок вздрогнул и проснулся. Она хотела дать ему грудь, но малыш, точно укоряя мать, бросающую его, отворачивался и кричал не переставая.

Наверху послышались голоса, в доме зажегся свет, раздался скрип отворяемой двери. Поцеловав своего крошку в последний раз, Мадхави положила его на пол и молча бросилась бежать. Кто-то, держа свечу в руке, спускался со второго этажа. Она побежала быстрее и, оказавшись далеко от дома, глубоко и с облегчением вздохнула.

* * *

На следующий день рано утром жители деревни Бальрампурам впервые увидели Мадхави. Ее заметил на улице мальчишка. Он пустился домой и сказал отцу: «Ой, папа, сумасшедшая какая-то пришла».

Иногда она плакала, иногда хохотала каким-то страшным смехом или пела колыбельную песню; когда ей навстречу попадались дети, она, не отрываясь, смотрела на них, протягивала к ним руки, хотела обнять. Она дарила им бананы и сладости, купленные на жалкие пайсы милостыни. Но дети боялись ее и ничего не брали. Иногда Мадхави покупала даже игрушки и, положив их во дворе какого-нибудь дома, где были дети, уходила прочь. Однажды она купила дорогую шелковую курточку и надела ее на маленького сына какой-то нищенки.

Подчас ей не оставалось денег и на хлеб, и люди называли ее безумной.

Ни разу не пошла она взглянуть на своего сына, страшась, что это повредит ему.

В скитаниях она провела два года. Стерлось то слабое воспоминание, которое она оставила по себе после нескольких месяцев жизни в таком большом городе, как Тируванантпурам. Те, кто встречал ее там, сейчас не могли бы узнать—так она переменялась.

И несчастная опять пришла в этот город, песчинкой затерялась в толпе. Вновь разыскала она тот дом, где оставила ребенка. Ни за что на свете Мадхави не вошла бы в его ворота, но взор ее был прикован к дому.

Несколько раз женщина подходила к ограде, заглядывала внутрь и молча уходила. Она испытывала ни с чем не сравнимую радость, вдыхая воздух, который был насыщен дыханием сына, приходил к ней, коснувшись ее ребенка.

Каждый день она—нищая—стала ходить мимо этого дома. Но не подходила близко. И никогда не просила здесь милостыню. А сердце разрывалось от боли: «Здесь ли дитя, рожденное мною?»

Каждый день, совершив омовение, она шла в храм молиться. Потом покупала рису на поланна. На это ей хватало милостыни. Остальное время она бродила возле дома, где жил ее ребенок. Она вела двойную жизнь: в душе была жрицей храма материнской любви, внешне — нищей.

Однажды сквозь решетку ворот Мадхави увидела мальчугана, игравшего на широкой лужайке перед домом. Это был толстенький, здоровый малыш. На шее его висел амулет, на ручках звенели браслеты, на ножках — золотые колокольчики; талию украшал золотой пояс. Кто сможет описать состояние матери, когда она смотрела на свое дитя!

Спустя немного времени Мадхави открыла ворота и, снедаемая волнением, вошла.

Увидев чужую женщину, ребенок с криком «мама!» бросился бежать, ища защиты у няньки. Услышав «мама», вырвавшееся из детских уст, Мадхави шагнула вперед: «Сынок, возьми, возьми этот свисточек!» — и, протягивая ему игрушку, засмеялась, как безумная.

— Уйди отсюда, слышишь! Испугала ребенка... — грозя нищей, няня взяла мальчика на руки и успокоила его.

Ребенок не хотел брать игрушку. Он даже не посмотрел на нищенку.

Но ее глаза впились в ребенка. Она смеялась до тех пор, пока и он не засмеялся. Она всячески старалась развеселить его.

Глядя на эту сцену, улыбнулась и няня. Мадхави снова протянула свисток. Няня сказала: «И правда, может, теперь он поиграет твоим свистком». Глаза матери наполнились слезами. Ребенок потянулся к игрушке. Няня разрешила взять. Мать отдала своему сыну свисток и быстро ушла. Уже за воротами услышала она звук свистульки и пошла еще быстрее.

От людей она узнала, что у госпожи был ребенок, который умер. Господь услышал мольбу ее страдающего сердца и даровал ей сына. Никто не посмел бы сказать, что это не родной сын госпожи. Если у него где-нибудь и есть мать, то этой злодейке повезло: сын ее станет наследником всего дома.

Мадхави увидела того, кого ей так хотелось повидать, узнала то, что хотела узнать. С тех пор она стала обходить стороной этот дом.

Но несколько дней спустя она увидела сына на улице; ее глаза засверкали, сердце затрепетало. И еще раз Мадхави встретила его — он шел в школу. С тех пор для нее стало обычаем каждый день, притаившись, стоять где-нибудь на его пути и наблюдать за ним.

Чем старше становился сын, тем дальше продвигалось его образование. Радость начала светиться на лице Мадхави.

* * *

Владелец дома скончался. Его жена стала полной хозяйкой всего состояния.

* * *

Мальчик поступил в юридический колледж; обручился с дочерью важного чиновника.

Мадхави тоже принимала участие в свадебных хлопотах — не в качестве гостыни, конечно, а как служанка. В таких случаях в дом всегда приходят безмолвные женщины для всяких грязных работ: почистить рис, истолочь перец, убрать комнаты. Мадхави была одной из них.

День свадьбы наполнил счастьем ее сердце. Что бы она ни говорила, все было преисполнено радости и веселья. Все, что она делала в этот день после омовения и посещения храма, нарисовав сандаловую тилу¹ на лбу, было посвящено беднякам, страдальцам. Это была ее жертва богу.

После пира она собрала объедки и вынесла их нищим, которые собрались на заднем дворе, как немая темная тень на свадебном празднике. Они сидели, злобно переругиваясь, и воевали с собаками в ожидании великодушия господ.

И эта странная хозяйка свадебного пира на собственные деньги купила немного вина и бетеля и оделила нищих. И нищие благословили свою благодетельницу (а ведь она тоже была одной из них!): «Да будут счастливы твои дети!»

Женщина, которая вместе с ней готовила традиционные свадебные лепешки, сказала: «Вах, вах, посмотреть на твое старание и радость — подумаешь, что это твоя собственная свадьба».

Да, и еще одно! В счастливый миг благословения молодых Мадхави, притаившаяся в уголке, дважды воскликнула: «Вакила!»². На третьем возгласе голос ее оборвался...

* * *

Приемная мать Сукумарана (так звали сына Мадхави) отошла в лучший мир и все свое богатство оставила приемному сыну.

Однажды прохожий заметил какую-то нищую, которая внимательно разглядывала вывеску. На ней было написано:

СУКУМАРАН НАЯР

Адвокат

Не найдя ничего интересного в этой надписи, прохожий ушел, смеясь над нищей.

¹ Тика — значок, который рисуют на лбу индийские женщины.

² Вакила — восклицание, означающее пожелание счастья. По обычаю, его провозглашают женщины на свадьбах во время обряда благословения молодых.

* * *

Однажды Сукумаран, взяв на руки своего сынишку и играя с ним, сказал жене: «Если бы мама была сейчас жива, как было бы хорошо!»

* * *

Сукумаран Наяр служит судьей в Квилоне. В дом к нему то и дело приходит какая-то старуха. Она появляется после ухода Сукумарана в контору. На вид ей лет шестьдесят. Ее одежда чиста и опрятна, несмотря на свою ветхость. Она кажется счастливой, хотя лицо ее и безобразно. У нее завязалась дружба с нянькой, которая позволяла ей иногда поговорить с детьми.

Однажды госпожа увидела, как старуха беседует с ними. Она предупредила няню: «Смотри! Теперь всюду воришки шляются. Стащат что-нибудь, спрячут в одежде и уйдут, а потом ищи!»

Дети стали звать старушку «нани»³. Она играла с ними, пела им песенки, собирала для них цветы, рассказывала смешные истории. А когда уходила, они говорили ей: «Завтра приходи опять».

Разговаривая с госпожой, старая женщина вспоминала о прежних временах. Когда госпожа собиралась ей что-нибудь дать, Мадхави отказывалась. Видя это, дети журнили ее.

Старая женщина тайком разглядывала все фотографии Сукумарана Наяра, особенно те, где он был снят ребенком. А когда поблизости никого не было, целовала детей.

³ Нани — бабушка.

Однажды один из них, схватив ее ручонками за оба уха, сказал: «У нани уши точно такие же, как у папы».

Старуха, притворяясь, что не слышит слов мальчика, отстранила его руки и, говоря, что ей больно, опустила волосы на уши. «Ты мучаешь нани!» — остановила мать сына.

На следующий день дети сказали отцу: «Сегодня нани не пришла».

— А зачем ей приходится зря каждый день? Вы ничего не даете ей — вот она и не приходит, — ответил отец.

— Это вы должны, папа, дать ей что-нибудь. Ведь вы хозяин, — возразил сын.

Через три дня старая женщина снова появилась в доме. «Не приходила, потому что была больна», — объяснила она детям.

Однажды старуха пристально разглядывала маленькую фотографию. Послышались шаги хозяйки, и она торопливо спрятала карточку в складки платья. Хозяйка притаилась за дверью и стала наблюдать за старухой. Та вынула фотографию и поставила ее на прежнее место.

Прошла неделя. Нани не показывалась. «Папочка, вы ничего не даете нани, поэтому она теперь не приходит», — пожаловался один из детей.

— И хорошо. Зачем ей приходится? — сказала жена.

— Да, зачем? — спросил муж и посмотрел на жену, ожидая ответа.

— Кто знает, еще утащит что-нибудь. — И жена рассказала, как старуха смотрела и положила на место фотографию.

— Но постой! Если она хотела что-нибудь стащить, то зачем ей фотография? Она могла бы найти и что-нибудь подороже. Какая польза ей от этой фотографии? — спросил судья.

— Мохан больно схватил ее за уши. Поэтому она не приходит теперь, — сказал один из детей.

— Как это так? — удивился Сукумаран Наяр.

— Он взял нани за уши и сказал, что у нее уши точно такие же, как у тебя, — ответил сын.

— Вот как! — вырвалось у отца. И внезапная печаль охватила его. Шаг за шагом он стал разузнавать у своих близких о старухе. Жена и дети рассказали ему все, что знали.

Он молча выслушал их. Просидев минуту в задумчивости, он медленно заговорил: «Да... я припоминаю... я видел... я еще раньше видел ее... Ведь неделю тому назад... О горе! Мама моя... Мама!.. Это же моя мать!»

На поиски отправилось несколько человек. Но им удалось собрать лишь самые противоречивые слухи. Никто не видел ее больше.

Перевела Н. Вишневская